

XV. 663. f. w.

Est.

03857
Biblioteca
universitatis

Рѣчь проф. **Θ. В. Тарановскаго**,

произнесенная въ засѣданіи Совѣта Императорскаго Юрьевскаго Университета 27 февраля 1916 года 12

по вопросу объ эвакуаціи Юрьевскаго Университета.

(Печатается по постановленію Совѣта.)

Въ принципѣ я являюсь убѣжденнымъ противникомъ переноса учебной дѣятельности университета въ другой городъ на случай и на время возможной эвакуаціи Юрьева. Для функционирования университета, какъ учебнаго учрежденія съ весьма сложной и въ высшей степени тонкой организаціей, требуются спеціальныя, нарочито созданныя и подготовленныя условія, — благоустроенная библіотека, лабораторіи, кабинеты, обсерваторія, клиники, спеціальныя институты, музеи. Такихъ условій не можетъ представить городъ, признанный подходящимъ для помѣщенія университетскаго имущества и поселенія преподавательскаго персонала. Привезенное въ ящикахъ университетское имущество нельзя отождествлять съ учебно-вспомогательными учрежденіями. Университетъ не можетъ „развернуться“ подобно полевому лазарету или походной кухнѣ. На новомъ мѣстѣ временнаго пребыванія университета возможна лишь видимость учебнаго дѣла, но настоящаго дѣла не будетъ. За видимостью дѣла гоняться не стоитъ.

Время, которое можетъ продлиться возможная эвакуація Юрьева, будетъ не больше года, или двухъ лѣтъ. На такой срокъ не стоитъ затѣвать весьма сложнаго и дорого стоящаго перенесенія учебнаго дѣла въ другой городъ. На случай возможной эвакуаціи университета дѣлесообразнѣе всего ограничиться вывозомъ университетскаго имущества въ безопасное мѣсто, а учебное дѣло надлежитъ временно приостановить. Вынужденное бездѣйствіе университета ограничится только учебною частью. Что же касается научной дѣятельности, то она будетъ продолжаться. Профессоры, приватъ-доценты и ассистенты могутъ быть раскомандированы по другимъ университетамъ, или прикоманди-

рованы къ Академіи Наукъ и инымъ ученымъ учрежденіямъ (каковы: Геологическій комитетъ, Пулковская обсерваторія, центральные архивы и т. п.), или могутъ быть отпущены въ мѣста и учрежденія, которыя они сами свободно изберутъ для своихъ научныхъ изслѣдованій. Необходимо къ этому добавить, что медики и естествоиспытатели могутъ поступить въ распоряженіе военного вѣдомства и работать непосредственно для войны.

Университетъ по своей идеѣ и по дѣйствующему законодательству есть учрежденіе ученое и учебное. Поэтому вполне понятно и допустимо, что, если учебная дѣятельность оказывается почему либо временно невозможной, университетъ ограничивается дѣятельностью ученой. Исторія нашихъ университетовъ знаетъ случаи учебного бездѣйствія и одной лишь ученой дѣятельности университета. Когда съ января мѣсяца 1905 г. польское общество стало бойкотировать русскую школу, Варшавскій Университетъ прекратилъ свою учебную дѣятельность на 3¹/₂ года и жилъ это время одной лишь ученой дѣятельностью. Никому и въ голову не приходило переводить Университетъ въ другой городъ. Полагаю, что нѣтъ никакой надобности переводить и нашъ Университетъ въ другой городъ на годъ-два возможнаго эвакуаціоннаго періода. Достаточно перевести университетское имущество въ безопасное мѣсто.

Само собою разумѣется, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы подъ предлогомъ эвакуаціи перевести нашъ университетъ изъ Юрьева въ другой городъ навсегда. Мы вѣримъ твердо въ побѣдосное окончаніе войны; во всякомъ случаѣ мы глубоко убѣждены, что, каковъ бы ни былъ исходъ войны, Прибалтійскій край останется за нами, и потому нашъ Университетъ долженъ остаться въ Юрьевѣ въ качествѣ передоваго поста русской культуры на крайнемъ западѣ Имперіи. Добровольная сдача культурныхъ позицій была бы вопіющимъ нарушеніемъ историческихъ завѣтовъ нашего отечества. Рѣчь вообще можетъ идти только о временной эвакуаціи Университета, поскольку и когда предпримутъ ее военныя власти.

На случай такой эвакуаціи Министерство предполагаетъ перенести учебную дѣятельность нашего Университета въ другой городъ, причемъ имѣетъ въ виду использовать наши силы для заведенія новаго очага высшаго образованія, который остался бы на новомъ мѣстѣ послѣ того, какъ Юрьевскій Университетъ благополучно вернется на свое историческое мѣсто.

Поскольку это намъ будетъ предписано сверху, намъ очевидно придется заняться этимъ дѣломъ академической колонизаціи. Существенно важнымъ является при этомъ вопросъ о мѣстѣ для такой колонизаціонной дѣятельности.

Министерство намѣтило для открытія новаго Университета Приуралья и поручило проф. К. Д. Покровскому, командированному Совѣтомъ въ Нижній Новгородъ для надзора за размѣщеніемъ вывезеннаго туда университетскаго имущества, отправиться въ Уфу, Пермь и Екатеринбургъ для осмотра этихъ городовъ съ точки зрѣнія ихъ пригодности для эвакуаціи нашего Университета.

Объ исполненіи полученнаго отъ Министерства порученія проф. К. Д. Покровскій сдѣлалъ докладъ Совѣту. По предложенію Г. Ректора высказаться относительно пригодности городовъ Приуралья для эвакуаціи Университета, Совѣтъ въ засѣданіи своемъ отъ 13 ноября 1915 года заявилъ, что вообще онъ не можетъ развить своей дѣятельности полностью ни въ какомъ мѣстѣ временнаго пребыванія, но изъ трехъ городовъ, — Уфы, Перми и Екатеринбурга, — считаетъ наиболее пригоднымъ для эвакуаціи Университета Пермь.

На другой день послѣ только что указаннаго засѣданія Совѣта прибыли съ утра въ Юрьевъ почетный гражданинъ Перми г. Мѣшковъ и предсѣдатель Пермской губернской земской управы. О цѣли ихъ пріѣзда и пребыванія ихъ въ Юрьевѣ Совѣтъ не освѣдомленъ.

Въ газетахъ стали появляться свѣдѣнія о томъ, что вопросъ о переводѣ Юрьевского Университета въ Пермь рѣшенъ, причемъ не указывалось о какомъ переводѣ идетъ рѣчь, — временномъ на время эвакуаціи или же постоянномъ навсегда. Такъ какъ Пермь предлагаетъ Университету субсидію, рассчитанную на десять лѣтъ, то естественно было предположить, что Пермь имѣетъ въ виду подъ предлогомъ эвакуаціи заполучить Юрьевскій Университетъ навсегда. Среди большинства членовъ Совѣта, дорожащихъ интересами своей Alma mater, возникло опасеніе за ея судьбу. Подъ вліяніемъ этого опасенія, а также въ виду того, что постановленіе Совѣта отъ 13 ноября 1915 г. относительно Перми было лишь сужденіемъ Совѣта объ относительной пригодности городовъ Приуралья для эвакуаціи Университета, а отнюдь не окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о мѣстѣ для эвакуаціи, большинство членовъ Совѣта (свыше 30-ти) вошли къ Г. Ректору съ предложеніемъ о пересмотрѣ Совѣтскаго постановленія отъ 13

ноября 1915 г., въ которомъ имѣлись формальные дефекты дѣлопроизводства¹⁾. При этомъ большинство членовъ Совѣта просили Г. Ректора о томъ, чтобы, буде Г. Ректоръ затруднится принять ихъ предложеніе, ходатайство о пересмотрѣ было представлено на усмотрѣніе Г. Министра.

Представленное Г. Министру ходатайство большинства членовъ Совѣта не было уважено, и пересмотра постановленія Совѣта отъ 13 ноября 1915 года относительно Перми не послѣдовало.

Совѣтъ однако неизмѣнно держался того мнѣнія, что въ постановленіи своемъ отъ 13 ноября 1915 г. онъ высказалъ лишь свое сужденіе объ относительной пригодности городовъ Приуралья для эвакуаціи Университета, но отнюдь не принялъ рѣшенія по вопросу объ окончательномъ избраніи мѣста для эвакуаціи. Совѣтъ всегда думалъ и надѣялся, что можетъ найтись городъ, несравненно болѣе пригодный для этой цѣли, чѣмъ Пермь. Не обладая самостоятельными административными функціями, Совѣтъ, къ сожалѣнію, не могъ производить самостоятельныхъ поисковъ въ этомъ отношеніи. Но тутъ навстрѣчу Совѣту пошли сами города.

Совѣтъ получилъ предложеніе отъ Екатеринослава. Предложеніе это совершенно чуждо вмѣшательства и давленія со стороны отдѣльныхъ лицъ, хотя бы и почетныхъ гражданъ города. Въ немъ отсутствуетъ элементъ частнаго предпріятія, и имѣется исключительно обращеніе къ намъ со стороны общественныхъ учреждений. Въ виду угрожающей намъ, быть можетъ, эвакуаціи намъ предлагаютъ широкое и радушное гостепрѣимство безъ всякихъ оговорокъ и не связываютъ насъ при этомъ обѣщаніями, рассчитанными на десять лѣтъ.

Совѣтъ по достоинству оцѣнилъ предложеніе Екатеринослава, обратившагося непосредственно къ Университету, и отправилъ въ Екатеринославъ своихъ делегатовъ для изученія мѣстныхъ условій, изслѣдованія матеріальныхъ средствъ и осмотра учреждений, предлагаемыхъ подъ Университетъ.

Вчера мы заслушали обстоятельный и прекрасный докладъ нашихъ делегатовъ, — профессоровъ В. П. Курчинскаго и А. Г. Люткевича. Сегодня намъ предстоитъ обсудить вопросъ о пригодности Екатеринослава для эвакуаціи Университета.

1) Въ повѣсткѣ засѣданія 13 ноября 1915 г. не было точно указано, что будетъ обсуждаться вопросъ объ избраніи Перми мѣстомъ эвакуаціи, и въ журнальной записи нѣтъ никакого предложенія, въ отвѣтъ на которое состоялось постановленіе Совѣта.

Приступая къ этому, дѣлу нельзя горячо не привѣтствовать того обстоятельства, что вопросъ о мѣстѣ эвакуаціи попалъ наконецъ въ естественное русло академическаго и коллегіальнаго его обсужденія. Совѣтъ получилъ возможность высказаться спокойно, не подъ тревожнымъ давленіемъ ожидаемаго прїѣзда лицъ, настаивающихъ, во что бы то ни стало, на переводѣ Юрьевскаго Университета въ ихъ городъ.

Какъ видно изъ доклада нашихъ делегатовъ, Екатеринославъ предлагаетъ намъ прекрасныя, можно сказать, блестящія условія. Поэтому я увѣренъ, что у Совѣта не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Екатеринославъ является несравненно болѣе подходящимъ мѣстомъ для эвакуаціи Университета, чѣмъ Пермь. Не подлежитъ также сомнѣнію, что и съ точки зрѣнія заведенія новаго очага высшаго образованія на мѣстѣ эвакуаціи Юрьевскаго Университета и при содѣйствіи личнаго его состава у Екатеринослава на лицо всѣ преимущества передъ Пермью.

Въ пользу предпочтенія Екатеринослава Перми какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи говорятъ какъ соображенія общегосударственныя, такъ и спеціальныя интересы Юрьевскаго Университета.

Пермь не имѣетъ будущаго. Она утратила свое прежнее руководящее значеніе въ Пріуральскомъ краѣ и вынуждена была уступить его Екатеринбургъ. Заводить Университетъ въ Перми только для того, чтобы поднять значеніе падающаго города, врядъ ли цѣлесообразно. Пріуралье съ его рѣдкимъ населеніемъ не можетъ дать своему Университету самостоятельнаго контингента слушателей, а изъ другихъ мѣстностей никто не поѣдетъ въ далекую и глухую Пермь, которая даже въ московскую эпоху нашей исторіи причислялась къ сибирскимъ воеводствамъ. Казанскій Университетъ, рассчитанный на гораздо болѣе широкой восточный районъ, чѣмъ Пріуралье, не только не знаетъ переполненія, но на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, не достигаетъ комплекта слушателей, установленнаго Министерствомъ. На какой же контингентъ слушателей можетъ рассчитывать предполагаемый Пермскій Университетъ?! Совсѣмъ иначе рисуется перспектива Екатеринославскаго Университета. На благодатномъ и густо населенномъ югѣ, въ районѣ нашихъ угольныхъ копей и металлургической промышленности Екатеринославъ растетъ съ американской быстротой. Промышленная и культурная жизнь Россіи ключомъ бьетъ на югѣ и образуетъ торговопромышленный и культурный

районъ, который можетъ уже теперь стать на ряду съ московскимъ райономъ. Екатеринославъ выросъ въ условіяхъ кипучей дѣятельности южного района, и ему предстоитъ блестящее будущее. Этотъ городъ можетъ и долженъ имѣть свой Университетъ. Таковы соображенія общегосударственнаго характера.

Переходимъ къ спеціальнымъ интересамъ Юрьевского университета.

Всѣ предварительныя мѣры для эвакуаціи, предпринимаемыя университетскою администраціей, сосредоточиваются на университетскомъ имуществѣ. Университетское имущество представляетъ собою большую экономическую и культурную цѣнность. Если можетъ угрожать опасность его потери, необходимо увезти его въ безопасное мѣсто. Спорить противъ этого не приходится. Замѣчается однако, что въ увлеченіи процессомъ спасенія вещей забываютъ о людяхъ. Въ результатѣ получается отождествленіе университета съ его имуществомъ. Отсюда уже дѣлается выводъ, что, гдѣ университетское имущество, тамъ и Университетъ. Такой выводъ не правиленъ: онъ основанъ на крупной ошибкѣ, — на полномъ забвеніи о людяхъ. Не лишнимъ будетъ напомнить, что въ Университетѣ кромѣ имущества имѣются и люди, — студенты и профессора.

Пермь представляетъ собою безусловно безопасное въ военномъ отношеніи мѣсто для сохраненія университетскаго имущества; быть можетъ, она даже весьма подходяща для этой цѣли и по цѣлому ряду техническихъ удобствъ, среди которыхъ нельзя, напр., не отмѣтить вполне оборудованнаго предпріятія г-на Мѣшкова и Коми. по транспортированію грузовъ. Отсюда однако ничуть не слѣдуетъ, чтобы Пермь была подходящимъ мѣстомъ для учебной дѣятельности эвакуированнаго Университета. Напротивъ того, для этой послѣдней цѣли Пермь безусловно не подходитъ.

Наши студенты въ Пермь не поѣдутъ. Студентамъ эвакуируемыхъ университетовъ предоставлено право переводиться въ другіе университеты. Привыкшіе къ жизни на западѣ, наши студенты останутся на западѣ или же распредѣлятся въ центрѣ, вообще въ умѣренномъ климатѣ, т. е. переведутся въ Петроградскій, Московскій, Харьковскій, Варшавскій въ Ростовѣ на Дону Университетъ. Допустимъ однако, что они по тѣмъ или другимъ причинамъ ни въ одинъ изъ этихъ Университетовъ не попадутъ и будутъ вынуждены двинуться на востокъ. Тогда они направляются въ Казанскій Университетъ, который въ состояніи вмѣстить

всѣхъ нашихъ студентовъ кромѣ медиковъ и богослововъ. Разъ можно устроиться въ Казани, никто не поѣдетъ въ Пермь. Не сдѣлаетъ этого тотъ средній человѣкъ, въ расчетъ на котораго строятся всѣ законодательныя и административныя мѣропріятія.

Не меньшую опасность представляетъ Пермь и для сохранения профессорской коллегіи. Личный составъ послѣдней слагается изъ людей среднихъ, въ значительной части болѣе чѣмъ среднихъ лѣтъ и просто старыхъ. Въ такомъ возрастѣ рисковано, небезопасно и прямо таки опасно мѣнять столь рѣзко климатическія и всѣ остальные условія жизни, какъ это пришлось бы сдѣлать при переселеніи изъ Юрѣва въ Пермь. Поэтому, когда необходимость такого переселенія станетъ реальнымъ фактомъ, изъ профессорской коллегіи уйдутъ всѣ выслужившіе пенсію, всѣ матеріально обеспеченные настолько, что могутъ существовать безъ государственной службы, наконецъ всѣ тѣ, здоровью и жизни которыхъ переселеніе будетъ угрожать прямой и очевидной опасностью. Университетъ лишится значительнаго количества членовъ профессорской коллегіи, притомъ старѣйшихъ, на которыхъ всегда и повсюду зиждется академическая традиція, а ея вѣдь и живы Университеты. Поѣдутъ въ Пермь только профессора матеріально не обеспеченные, невольно дорожащіе жалованьемъ и будущей пенсіей, поѣдутъ по нуждѣ. И какъ разъ профессорамъ, матеріально не обеспеченнымъ, придется выносить всю ту матеріальную нужду, которая неизбежна при переселеніи и жизни на бивуакахъ, да еще къ тому же въ условіяхъ суроваго климата, для котораго у жителей умѣреннаго климата нѣтъ даже подходящаго одѣянія. При такихъ условіяхъ трудно будетъ найти въ себѣ духовный подъемъ для научныхъ занятій. Слѣдуетъ добавить, что безъ оборудованныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій заниматься наукою нельзя будетъ. Останется одна лишь подавленность духа. Въ такомъ состояніи сильно порѣдѣвшая Юрѣвская профессорская коллегія въ Перми не въ силахъ будетъ завести новый очагъ высшаго образованія въ истинномъ смыслѣ этого слова. Не получится такимъ образомъ новаго очага, а старый будетъ разоренъ. Ученыхъ у насъ мало, кафедры пустуютъ годами. Поэтому необходимо дорожить наличными учеными коллегіями и не ставить ихъ въ такія условія, которыя угрожаютъ имъ распадомъ.

Когда мы говоримъ о спеціальныхъ интересахъ Юрѣвскаго Университета, намъ возражаютъ, что нельзя противопоставлять этихъ интересовъ интересамъ общегосударственнымъ. Предъ по-

слѣдными должны смолкать какъ спеціальные интересы Юрьевского Университета, такъ и тѣмъ болѣе личные интересы юрьевскихъ профессоровъ. Постараемся разобраться въ этихъ возраженіяхъ и начнемъ съ личныхъ интересовъ юрьевскихъ профессоровъ.

Намъ говорить: хорошо ли, плохо ли сложится личная жизнь профессоровъ въ Перми, это безразлично, разъ дѣло идетъ объ интересахъ общегосударственныхъ, особенно въ военное время, когда всѣ несутъ жертвы. Еслибы, отвѣтимъ мы, рѣчь шла объ отправленіи профессоровъ на фронтъ, то юрьевскіе профессора отдали бы свою жизнь такъ же, какъ отдаютъ ее сотни тысячъ русскихъ гражданъ, ибо въ этомъ былъ бы ихъ долгъ. Но болѣть, превратиться въ инвалида и завѣдомо сокращать свою жизнь ради открытія Университета въ Перми, — такого долга нѣтъ и быть не можетъ. Когда открывали Университетъ въ Томскѣ, то никого не посылали туда насильно. Пошли въ томскую профессуру желающіе и пошли молодыя силы, помощью которыхъ совершается обычно всякая культурная и просвѣтительная колонизація. Если будетъ въ обычномъ порядкѣ открываться Университетъ въ Перми, Юрьевскій Университетъ охотно отрядитъ для него свои молодыя силы, но въ принудительномъ переселеніи въ Пермь мы не видимъ ни военной, ни государственной необходимости. Мы отнюдь не убѣждены въ томъ, чтобы именно Пермь была въ настоящее время наиболѣе подходящимъ и, такъ сказать, стоящимъ на очереди мѣстомъ для открытія Университета. Мы не можемъ понять, почему государственные интересы сходятся именно въ Перми. Екатеринбургъ, Тамбовъ, Воронежъ представляются намъ несравненно болѣе подходящими, чѣмъ Пермь, какъ для заведенія новаго очага высшаго образованія, такъ и для временнаго пребыванія Юрьевского Университета.

Переселеніе въ Пермь угрожаетъ нашей профессорской коллегіи распаденіемъ и Университету разваломъ. Разъ мы это предвидимъ, мы обязаны объ этомъ заявить. Этого требуетъ отъ насъ нашъ нравственный долгъ по отношенію къ Alma mater, наша отвѣтственность предъ исторіей русскаго просвѣщенія вообще и въ Прибалтійскомъ краѣ въ особенности; этого же требуетъ отъ насъ и нашъ служебный долгъ по отношенію къ высшему начальству. Исполняя этотъ долгъ и сознавая эту отвѣтственность, мы дѣлаемъ Государево и земское дѣло по совѣсти и крайнему нашему разумнію.